

Николай ПЕТРОВ:

«САМОЕ ГЛАВНОЕ – УВАЖЕНИЕ К ЛИЧНОСТИ»

«У моей любимой дочери есть замечательная поговорка, она говорит: «Папа, так, как ты, я играть не смогу, а по-другому не хочу».

– Николай Арнольдovich, Вам часто задают этот вопрос в последнее время, но история Вашей семьи настолько интересна, что в нашем разговоре просто нельзя обойти эту тему.

– Мои предки с обеих сторон, и со стороны матери и со стороны отца, до третьего колена были музыкантами. Дед, Василий Родионович Петров, – выдающийся певец Большого театра: 25 лет пел вместе с такими великими артистами, как Шаляпин, Нежданова, Обухова, Козловский. Мать одновременно была и пианисткой, и балериной. Она проработала в балете Большого театра 20 лет. Она также

музыкальный драматург, а ее пьесы до сих пор идут в театрах России и СНГ. Отец – талантливый виолончелист, который должен был бы сделать очень успешную сольную карьеру, но, к сожалению, помешала война и бытовые сложности. Бабушка также окончила Московскую консерваторию с золотой медалью. Так что вся семья полностью музыкальная.

– Почему Вы выбрали именно фортепьяно?

– Бабушка посадила меня за рояль, когда я еще в колыбельке лежал, так что выбор был сделан за меня. Я сидел на ее коленях около рояля и проявлял

Николай Арнольдovich ПЕТРОВ, народный артист СССР, лауреат Государственной премии России, президент Академии Российского искусства и Международного Благотворительного фонда Николая Петрова, профессор Московской консерватории, кавалер Ордена «За заслуги перед Отечеством» и Золотого Почетного знака «Общественное признание».

Выдающийся музыкант современности, обладатель многочисленных званий и наград, «гигант среди пианистов» (по отзыву американской газеты «Christian Science Monitor») родился в известной московской музыкальной семье 14 апреля 1943 года.

Его дедом был знаменитый русский бас Василий Петров. Н.А. Петров получил блестящее музыкальное образование сначала в Центральной музыкальной школе у знаменитого педагога Т.Е. Кестнер, а затем в Московской консерватории у выдающегося музыканта профессора Я.И. Зака. С 19 лет, став лауреатом конкурсов Вана Клиберна и королевы Елизаветы, он выступает в лучших концертных залах мира. Весь дальнейший творческий и жизненный путь Н.А.Петрова являлся цепью непрерывных восхождений и побед. Он объездил, без преувеличения, весь мир. Сыграл не поддающееся никакому счету количество программ, открыл такое количество новых или прочно забытых страниц прекрасной музыки, что только перечисление сочинений заняло бы огромное место.

Николай Петров – один из наиболее ярких художников современности, следуя лучшим принципам русской музыкальной традиции, постоянно расширяет масштабы своего творчества, участвуя и организуя фестивали, конкурсы, мастер-классы, занимаясь, как президент Академии Российского искусства, широко-масштабной общественной и культурной деятельностью.

Одним из последних детищ Н.А. Петрова стал Благотворительный фонд его имени, ориентированный на поддержку творческой молодежи самых разных музыкальных профессий. При этом поддержка не ограничивается материальной стороной: стипендиаты вовлекаются в комплексную работу, в том числе и в совместное концертное выступление с Маэстро.

большой интерес к слушанию самой разнообразной музыки, в том числе арий из опер. Я знал наизусть арии из опер «Садко», «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила». Кроме того, мама пианистка и бабушка пианистка что-нибудь да значат, к тому же рояль дома, к несчастью (*смеется*) был.

– И о чудо – сразу начали играть?

– Конечно, не сразу. Первой моей учительницей была бабушка, потом в пять с половиной лет я поступил в младший подготовительный класс Центральной музыкальной школы при Консерватории, в класс замечательного педагога Татьяны Евгеньевны Кестнер, у которой прозанимался 12 лет.

– Известна Ваша позиция, что приоритет при поступлении в музыкальные вузы должны иметь действительно талантливые люди. Поскольку дети замечательных родителей могут быть совершенно бесталанными, как Вы это прокомментируете?

– К сожалению, история знает слишком много случаев, когда талант «отдохнул» на детях великих родителей. Но последние с завидным упорством продолжали пихать свое дитя на концертную эстраду, зачастую нанося при этом крутые удары молодым и ни в чем не повинным претендентам, которые где-то имели несчастье перейти

дорогу этому дитяти. Есть, правда, и исключительные музыкальные династии, взять хотя бы семью Коганов. От великого Леонида Борисовича и великопной скрипачки Елизаветы Григорьевны Гилельс к их сыну Павлу Когану, прекрасному дирижеру. Можно также отметить и сына Павла – замечательного скрипача Дмитрия Когана. Я активно привлекаю его к работе в своем Фонде. Сестра Павла – Нина – прекрасная пианистка. В общем, вся семья достойно несет нелегкую ношу таланта.

– А Ваша дочь не связана с музыкой?

– Не совсем. Она окончила Мерзляковское училище при Консерватории как пианистка, к тому же Евгения получила и второе образование – за ее плечами факультет журналистики Московского государственного университета. Она блестяще освоила компьютер, пишет музыку, стихи и может выбрать себе любую профессию. К сожалению, а может быть, и к счастью она не захотела стать пианисткой. У моей любимой дочери есть замечательная поговорка: «Папа, так, как ты, я играть не смогу, а по-другому не хочу». Я не сомневаюсь в том, что Женя найдет себя в жизни.

– Маэстро, поговорим о русской исполнительской школе, какое она сейчас занимает место в мире?

– Вне всяких сомнений русская школа всегда занимала первое место. Вслед за ней шла французская, затем впоенная русским бэк-граундом американская. Наша слава еще держится, но не все вечно под луной – кончилась эпоха профессоров-подвижников, которые чувствовали колоссальную ответственность за своих учеников, занимались с ними, как говорят, «не щадя живота своего». Они творили поистине чудеса. Сейчас Московская консерватория больше похожа на конвейер по выпечке лауреатов. Я задаю вопрос моим ученикам: «Кем вы хотите стать: лауреатами или музыкантами?». Это большая разница. Русская школа всегда славилась именно музыкантами с яркой индивидуальностью. К сожалению, сегодня мы видим на примерах многих конкурсов, как люди, получив престижные награды, став лауреатами, в ближайшем же будущем исчезали со сцены не в силах выдержать эту тяжелую ношу. Зачастую звание лауреата получают в результате чистой коррумпции, по методу «ты мне – я тебе».

– Разве невозможно проконтролировать эту ситуацию?

– Дело в том, что в некоторых видах соревнований есть мерило для принятия судьейского решения. Например, спортсмен пробежал стометровку – секундомер это зафиксировал. В других видах спорта результат определяется судьей без всяких приборов. В тот момент, когда засуживали нашу девушку-акробатку во фристайле, как это случилось на последних Олимпийских играх, судьи сказали, что «она не так повернула голень», и попробуй доказать обратное. Это субъективные виды спорта, а есть субъективные виды искусства. Музыка – самое субъективное, ведь после ее прослушивания не остается ничего. У поэта есть текст, у режиссера – фильм, у художника – картина, а человек сыграл сонату и все: один говорит, что это замечательно, другой – полная дребедень. И доказать нельзя.

– В спорте это связано с понятием «коммерциализация», а как в музыке?

– Та же самая коммерциализация и карабанье по горе из трупов своих коллег. За редким исключением, например, Женя Кисин. Он никогда не участвовал в международных конкурсах. Случилось так, что на него с юных лет обратили внимание крупные музыканты, и он продолжал свое развитие под бдением этих прекрасных людей. Никто из-за него не потерял первую премию, никто не пролил ни одной горькой слезы от незаслуженной обиды.

– Гений вне конвейера, вне системы?

– Да, но это редкий случай.

После вручения Золотого Почетного знака «Общественное признание»

Н. Петров и Квартет им. Шостаковича

– **Продолжим тему исполнительского искусства: известно, что Вы любите камерные концерты, в чем же их прелесть?**

– Мой замечательный педагог, любимый и незабвенный Яков Зак всегда говорил, что самая лучшая музыка написана для камерных ансамблей. И это действительно так. Более того, камерный ансамбль имеет непосредственную связь с творчеством композитора. Это сокровенная и гениальная музыка, при хорошем исполнении которой проливается много слез умиления от трогательности и задушевности ее звучания. Очень многие знаковые сочинения композиторов созданы на базе тех работ, которые были написаны в форме трио или квартета. Сейчас умирает такое понятие, как музицирование. Ведь раньше не было такого количества компакт-дисков и пластинок. Музыканты собирались и играли в четыре руки на рояле. Для чего Лист сделал транскрипции для рояля симфоний Бетховена, Берлиоза и других великих композиторов? Для того чтобы в тех городах, где не было оркестров, публика могла услышать великую музыку в фортепьянной адаптации. Камерная музыка является привилегией самых преданных музыкальных подвижников. Ведь исполнять камерную музыку значительно сложнее, чем сольный концерт, а гонорары намного меньше. Почему многие скрипачи становятся дирижерами? Да прежде всего потому, что дирижерам платят больше. Есть правда редкие исключения, скажем, «Tokyo streak quartet», «Amadeys» или наш квартет им. Бородина, которые получают приличные гонорары, но все равно это несравнимо с тем, что получают солисты и дирижеры.

– **Вы – спаситель музицирования в России?**

– Упаси Господи, моя роль более скромна, тем не менее я стараюсь играть как можно больше камерной музыки. В этом году, к превеликому моему сожалению и горю, сорвался концерт из-за болезни моего партнера, великолепного бывшего баса Большого театра Александра Виноградова. Почему бывшего? Недавно Большой театр выдал его, как и многих других, за границу. За три года работы в театре ему не дали спеть ни одной достойной роли. Мы должны были в этом году исполнить цикл Шуберта «Зимний путь». Я очень ждал этого концерта. Мы месяц с ним репетировали, почти каждый день, но накануне концерта его угораздило простудиться.

– **Расскажите о Вашем проекте исполнения Баха в камерном интерьере, недавно цикл был завершен...**

– Он продолжался 4 года. В первый год я сыграл 7 концертов Баха для одного рояля, следующий год – 3 концерта Баха для двух роялей, в прошлом году два концерта для трех роялей, а в этом году 5-й Бранденбургский концерт – с флейтой, скрипкой и концертом четырех роялей. Трудно было найти место для репетиций, где стояло бы сразу четыре рояля, но мы, слава Богу, решили и эту проблему.

– **Одна из проблем всей системы нашей культуры – финансирование. Понятно, какую роль исполняет министерство. Но, с другой стороны, если взять XIX век, то никакого**

С Игорем Моисеевым и Фазилом Искандером

министерства культуры не было, и в то же время музыка развивалась...

– Раньше были герцогини, графини, курфюрсты, которые поддерживали композиторов. Сейчас меценатов преследуют, если человек дает деньги на культуру, то немедленно становится объектом охоты наших фискальных органов. И это ужасно. Ведь наше государство денег на культуру дает мизерное количество. Сравните: оркестр города Солт-Лейк-Сити получает ассигнований 25 миллионов долларов в год, то есть на каждого из 120 музыкантов приходится по двести пятьдесят тысяч в год, и они еще недовольны. Идет борьба, чтобы довести эту сумму до 45 миллионов. Все российские элитные оркестры получают всего 120–130 тысяч долларов в год, но и то это только теоретически. 25 миллионов и 120 тысяч – огромная разница. А стипендия в Московской консерватории, даже страшно сказать, составляет – 200–300 рублей. Я за 12 лет работы в Консерватории ни разу не был в бухгалтерии и не получал зарплаты, потому что мне стыдно. Прямое оскорбление, когда мой труд оценивается в 20 рублей за час. Я считаю это подкачкой, к которой я не имею права прикасаться.

– **Вы – президент Фонда собственного имени, какие перед ним стоят задачи?**

– Задачи самые элементарные – открытие и помощь новым талантам, в частности, многим незаслуженно задушенным нашей коррумпированной системой, плюс помощь старым, несчастным, забытым профессорам Московской консерватории и не только консерватории, которые влачат жалкое и нищее существование. Люди не могут ни врача пригласить, ни лекарства купить. И это ужасно. У нас около 40 стипендиатов. Вот сейчас нашел я одну девочку замечательную в городе Волгограде, чрезвычайно талантлива. Берем одну девочку из Московской консерватории, скрипачку. И как результат этой

работы – фестиваль «Кремль музыкальный», задачей которого является открытие новых имен и представление стипендиатов нашего фонда. В этом году он пройдет в Оружейной палате уже в третий раз. Там совершенно изумительное место для звучания музыки, удивительная аура, чудеснейшая акустика, но мало мест, всего 200–220, помогает телевидение: в течение двух месяцев каждую неделю в определенное время транслируются фестивальные концерты и, соответственно, аудитория многократно расширяется.

– **Вы много путешествуете по России в поисках талантов?**

– Я путешествую очень много. Обездрил, пожалуй, весь мир. Есть какие-то города и какие-то страны, где я почему-то не был, скажем, в той же Уфе или Венгрии. Но сейчас хочу немножко подумать о душе и, будучи по своей сути неисправимым гедонистом, стремлюсь больше времени проводить в своем замечательном поместье на Николиной Горе, получать от всего, что я там делаю, максимальное удовольствие.

– **У Вас много учеников?**

– Нет, у меня четыре человека, но им я могу преподавать полный курс. Если же я возьму 12–13 человек, это будет означать, что либо мои ученики будут ходить безнадзорными, либо я буду

С. Бэлза, Д. Коган, Н. Петров

играть недоученные программы из-за недостатка времени. Очень трудно быть и педагогом, и концертирующим исполнителем. За редким исключением профессора Консерватории не совмещает преподавание и концертную деятельность.

– Определите основные проблемы современной музыкальной сферы в России?

– Прежде всего, это очень тяжкий и плохо оплачиваемый в нашей стране труд. Молодежь стремится уехать из России из-за невостребованности. Но есть еще и проблема учителей, получающих гроши, они тоже стремятся хорошо

все играют блестяще, все умеют задира́ть руки выше головы, а личности нет, той, которая была у Рихтера, у Когана, у Софроницкого, когда можно было на слух определить, кто играет.

– Ваши ученики воспринимают Вашу манеру исполнения?

– Я стараюсь быть как можно более терпимым. Конечно, в музыке есть вещи, против которых я выступаю категорически, но если всех учеников стричь под одну гребенку, то это будет обезличивание. А кому это нужно? Я даю максимальную творческую свободу, но стараюсь добиться и максимального самоконтроля своих учеников. Основная грубейшая ошибка наших молодых исполнителей заключается в том, что они не умеют правильно читать музыкальный текст, видят только нотные знаки, а это все равно что читать Пушкина без знаков препинания. Нотный текст – это еще и комментарии композитора.

– Ваш любимый город, наверное, Вена, как самый музыкальный?

– Нет, мое любимое место – это Николина Гора. Еще я очень люблю Нью-Йорк. Несмотря на то, что в совершенстве знаю французский язык и вообще все, что связано с французской культурой, не очень уютно чувствую себя в Париже. Мне очень нравится Лондон. Я очень люблю Югославию, и когда ее

изымается, к ней самое непотребное отношение, но вопреки их усилиям сегодня в России наблюдается возрождение. В любом городе всякое интересное культурное событие, будь это выставка, спектакль или концерт, вызывает огромный интерес у публики. Опять стали посещать библиотеки, в театрах и киноконцертных залах – аншлаги. Сейчас свобода выбора, исчез унижительный всесоюзный концертно-гастрольный план. Филармонии приглашают того, кто им нужен. Если им нужен Николай Петров, значит, они меня приглашают, если им нужен Петр Николаев, то, соответственно, они приглашают его.

– Вы являетесь Кавалером Золотого Почетного знака «Общественное признание» – высшей общественной награды России. Каково Ваше отношение к этой высокой награде?

– Любая положительная оценка твоей деятельности, безусловно, приятна, отрицать это было бы глупо. Столь же глупым считаю бряцанье орденами и званиями, когда мастерства уже давно нет, а есть лишь желание всеми способами удержаться на плаву.

– На страницах нашего журнала мы часто обращаем внимание на проблему становления и развития

С солистами Большого театра России

Н. Петров и У. Клейнер – друг и художник

заработать. Естественно, когда учитель уезжает в сентябре до Нового года в Японию, потом возвращается и через 2–3 недели уезжает в Германию на два месяца, нарушается тонкий образовательный процесс. У кого-то есть ассистенты, но студенты-то поступали не к ассистентам, а к профессорам. К сожалению, бороться с этим очень трудно, потому что если более жестко вести политику по отношению к преподавательскому составу, то они вовсе бросят Консерваторию. Другая проблема – это деперсонификация лауреатов, они похожи друг на друга как два яйца. Все играют быстро, все играют громко,

американцы молотили бомбами, эти удары болью отзывались в моем сердце. Потому что я всю Югославию объездил вдоль и поперек, и когда мне сказали, что разбомбили такую жемчужину, как Нови-Сад, меня поразило варварство американцев.

– Сейчас одна из проблем – сохранение интереса к классической музыке, что Вы об этом думаете?

– Как это ни странно, интерес к искусству пробивается, как травка или цветочек, через асфальт, даже несмотря на действия наших телевизионных и радиокиллеров. Вообще у нас классическая музыка искусственным образом

стабильного гражданского общества в России. Как Вы считаете, на каких основах оно должно строиться?

– Построение гражданского общества возможно у нас только на основании уважения к личности. Каждое существо на планете является уникальным. Это касается и выдающегося музыканта, и учителя, и милиционера, и токаря, и т. д. Каждая личность является уникальным Божьим созданием, поэтому если будет меньше обезличивания, если каждый человек в России будет уверен в своих правах, то гражданское общество станет более гармоничным.

Беседовал Павел ЛОБАНОВ